

Пролог

— Что такая роскошная красотка делает в самом скучном городе мира?

Улыбка сползла с лица блондинки, она фыркнула и отошла от стойки, покачивая шикарным задом. Жаль. Она и правда была самой сногшибательной из местных девиц, почти дотягивала до столичных моделей.

Наверное, Владу не стоило так откровенно высказывать свое мнение о Новосибирске.

— Ты, я, бутылка шампанского и безудержный секс на всю ночь? — сделал он очередную попытку. Брюнетка в блестящем платье, которой адресовалась его сияющая улыбка, посмотрела сквозь Влада, будто он был невидимкой. Махнула бармену, получила свой коктейль и тоже отошла в сторону.

У них тут ни у кого чувства юмора нет, что ли? Вымерзло?

— Ты, конечно, очень красивая... — начал он, заведя очередную девушку. По его шкале она едва тянула на семь из десяти, но выбирать уже не приходилось. Даже сегодняшняя ночь не ста-

ла исключением в карантинном городе, и бар должен был закрыться не позже десяти вечера. Встречать Новый год одному в пустом номере средней руки гостиницы или вообще на продуваемой ледяным ветром центральной улице без надежды потискать веселую теплую девчонку было бы слишком грустно.

Девушка замерла, заинтересованно вскинув на Влада взгляд.

— ...но без меня тебе не идет! — закончил он любимый подкат.

Она нахмурила темные, вразлет, брови, всеерьез обдумывая его заход, и Влад мысленно закатил глаза. Совсем тут они дикие. Какая разница, что он там несет? Посмотрела на лицо, посмотрела на часы и мобильный, скалькулировала в голове — и радостно бросилась в объятия! Что тут думать?

Ладно, следующая.

Влад обвел взглядом бар. Фигово. Ну ладно, вот эта, с модными соболиными бровями, тоже сгодится. Она вообще на него не смотрела, но это не проблема. Тут-то и случилась катастрофа.

— Хель, ну ты чего застряла?! Давай, пошли, Андрюха уже всех в тачку трамбует и ругается! Ты же с нами?

На эту, серьезную, с бровями, откуда-то сзади налетела еще одна девица, раскрашенная как клоун и в мигающем колпаке с цифрами насту-

пающего нового года. Как раз в ту секунду, когда бармен протянул высокий бокал с разноцветным коктейлем. Хель, как назвала ее подружка, уже почти подхватила его, но не удержала равновесия и плюхнулась прямо на Влада. И она сама, и коктейль. Она на колени, а коктейль — увы, на его белую рубашку.

Влад любил белые рубашки. Не то чтобы конкретно к этой он был привязан особенно, но...

— Ой! — испугалась девушка. — Ой, извините! Извините, пожалуйста!

Она схватила пачку салфеток со стойки и прямо так, сидя у него на коленях, попыталась стереть разноцветные разводы на белой ткани. Все время ойкая и морщась, елозя весьма привлекательной задницей по нему.

После воздержания последних месяцев Владу любая задница показалась бы привлекательной, что уж тут. Но эта нравилась ему все больше.

— Я заплачу! Давайте заплачу за химчистку? — суетилась девушка, а в его голове уже зрел коварный план.

— Какая химчистка тридцать первого декабря в десять вечера? — сердито буркнул он. — Или первого января? Дамочка, вы понимаете, что мне завтра лететь в Москву! В этой рубашке!

— Ох... — Она совсем растерялась и расстроилась. — Что же делать...

— Вот не знаю!

— Купит в аэропорту... — начала ее подруга.

Владу пришлось повысить голос, чтобы перебить ее:

— Это была моя любимая, счастливая рубашка, в ней все важные сделки удавались, а завтра именно такая! — воскликнул он.

— Ох... — снова запричитала Хель и только тут обнаружила, что сидит у него на коленях. Быстро вскочила и опять нахмурилась, решая задачу. Влад мысленно скрестил пальцы.

— Хель... — начала подруга.

— Тише, — остановила ее та. — Простите. — Это уже Владу. — Я могу предложить такой вариант... Я заберу рубашку, постираю, поглажу и к вашему рейсу привезу ее — будет как новенькая.

— И предлагаете встречать Новый год голым?

— А у вас были планы?.. — Соболиные брови Хель вновь сошлись на переносице. — Давайте я одолжу вам пока что-нибудь, у меня дома от мужа остались вещи...

— Хель! А мы? — затеребила ее клоунесса в колпаке, и Владу захотелось ее придушить.

— Прости, Мил, видишь, как вышло... — развела та руками. — Езжайте без меня пока, я потом такси возьму и к вам присоединюсь.

Влад не сумел спрятать усмешку.

Присоединится она, ага...

Пару часов спустя...

— О господи! Господи! — вскрикивала Хель, комкая в пальцах туго натянутые простыни. — Господи боже мой!

— Ты мне льстишь... — мурлыкнул Влад довольно. — Но мне нравится, как ты меня называешь, продолжай...

Она его не слышала. Она вообще ничего не слышала.

Ее тело отзывалось на его ласки как хорошо настроенная гитара.

Нет, гитара — слишком просто. Если бы его случайная новогодняя любовница была музыкальным инструментом, то средневековым органом. Каждый сантиметр ее тела откликался на его действия своим особенным образом. И как откликался! Такой отзывчивой у него, кажется, никогда не было. Она кричала, стонала, хрипела, рычала и жалобно скулила, выгибаясь на кровати под его руками. Она никак не могла насытиться, словно была так же голодна, как и он.

А он был очень, очень, очень голоден.

Из-за череды карантинных в волонтерском лагере был введен особый режим изоляции, и покидать территорию разрешали только тем, кто ехал за продуктами в город. Порой ему удавалось выбить себе несколько часов свободного времени, свалив хозяйственные дела на на-

парника, но последние месяцы это перестало прокатываться, женщины у Влада не было уже... У-у-у... Столько не живут!

Он уже было собирался отпроситься на недельку-другую — оторваться. Но под Новый год внезапно пришло распоряжение распустить волонтеров по домам: руководство области выделило деньги и силы в виде солдат-срочников, которые и должны были закончить их дело.

А остальным спасибо, свободны, родина вас не забудет.

Тысячу раз он проклял свой острый язык, когда в ответ на приглашение встретить Новый год всей компанией ответил, что ему за полтора года и без того надоели их рожи.

Он не учел того, что Новосибирск — не Москва. Особенно в карантинные времена. И идея забуриться в какое-нибудь веселое местечко, чтобы оторваться за все долгие месяцы тяжелой работы, увы, окажется провальным планом.

Так он попал в безнадежную ситуацию: «сними девицу за два часа до закрытия бара, чтобы не остаться в Новый год один как лох».

Пришлось брать что дают.

Кто же знал, что тут такие алмазы неграничные под ногами валяются...

Дрожь горячего тела под ним перешла в судороги, лихорадочный шепот — во всхлипы, и Влад уже было решил наконец побыть не-

много эгоистом и получить свою порцию удовольствия, как вдруг услышал тихий скрип. Чудом услышал. Обернувшись, увидел, что дверь спальни, где они со случайной знакомой уже второй час испытывали на прочность ее кровать, тихонько приоткрылась.

Он едва успел набросить одеяло и на себя, и на взмокшую, извивающуюся подружку. Сквозь приоткрытую дверь из темного коридора просочилось чудное создание — девочка лет четырех в ночной рубашке до пят и с двумя торчачими в разные стороны темными косичками.

— Мам, бабушка заснула, а я... Ой!

Создание заметило Влада.

— А ты кто? — поинтересовалось оно, распахнув огромные темные глазища. — А где мама?

— Я... Кто я... Я Санта-Клаус! — ляпнул Влад, не придумав ничего получше в таком-то состоянии. И тут же мысленно дал себе подзатыльник.

Почему Санта-Клаус, какой, на хрен, Санта-Клаус, почему не Дед Мороз, например? Не хотел портить дедушке репутацию, что ли?

— Неправда! — заявило дитя, придиричиво рассматривая его. — Он толстый, а ты нет!

— Аргумент, — согласился Влад, плотнее прижимая одеяло. Под ним уже завозилась очнувшаяся от экстаза соучастница по порче репутации, а он не был готов объяснять созданию, что ее мама делает голой в постели с Санта-Клаусом.

— Тогда я помощник Санты! — сообразил он на ходу.

— У Санты помощники эльфы, а ты не эльф! Ты врешь! — обвиняюще тыкнула в него пальцем девочка.

Чтобы не стать причиной порчи хрупкой детской психики, пришлось соображать еще быстрее.

— Нет, не эльф. Я северный олень Санты! — заявил Влад с самым серьезным видом.

— А почему ты голый?

— Ты много видела одетых оленей? — парировал Влад, натягивая одеяло повыше.

— А ты отвезешь меня в Лапландию? — Создание атаковало его без пауз, приходилось держаться и думать быстрее, чем во время игр в «Что? Где? Когда?».

— Э-э-э, нет, детям туда рано...

— А как же подарки? — огорчилась девочка.

— Я твою маму туда отвезу за подарками! — мгновенно нашелся Влад. — Прямо сейчас! Утром ты проснешься — а она уже вернулась.

— Ну-у, ладно... — Она посмотрела на него с подозрением, но развернулась и вышла.

Напряженное тело у Влада за спиной чуть расслабилось, а сам он вполголоса выматерился.

И зря. Дверь опять открылась.

— А хорошие подарки будут? — поинтересовалась мелкая террористка.

— Да! — рявкнул он. — Кукла и платье!

Больше ничего ему в голову не пришло. Что вообще дарят девчонкам?

— Красное! — уточнила та. — И планшет еще!

— И планшет, — сдался он. — Но только если ты сейчас пойдешь спать и проспшишь до самого утра! Иначе чуда не случится!

— Ладно! — И топот ног по коридору возвестил, что мучениям пришел конец.

Влад со стоном упал на спину и устался в потолок. Руки подрагивали так, будто он целую смену таскал бревна на распил. Никаких постельных забав больше не хотелось.

Хотелось накатить и почему-то обратно в волонтерский лагерь.

В лес! В глушь! Ко всем чертям!

Июль. Ольга

Спустя полгода

— Мамуль, где мой полосатый свитер?

— Ты его выкинула еще зимой.

Не помню, чтобы выкидывала. Надо бы посмотреть маме в глаза попристальней, он ей никогда не нравился. Но времени сейчас нет.

— Ма-а-а, где мой мишка Саня?! — Крик из детской, где Лея тоже вносит свой вклад в суету сборов.

— Милая, посмотри под кроватью, где все игрушки! Ты же не хотела его брать? — кричу в ответ я.

— Хочу уложить его в спячку!

Ну да, другого времени не нашлось. Ладно, что хоть под ногами не путается. И так ничего не могу найти.

— Мамуль, ты не видела, куда я сунула зарядник? Только что же в руках держала!

— И до сих пор держишь... — мягко говорит мама, входя в комнату со стопкой махровых полотенец и доставая утюг.

Никогда не понимала смысла гладить полотенца. Топот ножек — и сзади в меня врезается маленькая неутомонная торпеда:

— Ма-а-а-а, а ты положила мое красное платье?

— Да положила, положила, угомонись уже! — фыркаю я, засовывая зарядки для телефона, планшета, ноутбука, фотоаппарата и зубной щетки в дорожный рюкзак.

— А покажи? — хитро щурится Лея.

Закатываю глаза.

— Оленька, может, все-таки возьмешь полотенца? — начинает мама. Вот в чем был ее хитрый план. — Мало ли какие они там, в Москве? И белье постельное. Я соберу!

— Мамуль, ну ты с ума сошла, за три тыщи километров полотенца тащить! Может... и макароны взять на всякий случай, вдруг в Москве дефицит!

— Ма-а-а-а-а, а достань красное платье, я в нем поеду! — подпрыгивает Лея, дергая меня за рукав.

— Лея, сядь уже смирно, не мельтеши! — взрываюсь я. — Мамуль, перевес багажа стоит намного дороже твоих полотенец с наволочками!

— Ну ма-а-а-а! — заливается слезами дочь.

— Оленька, не ругайся, я же как лучше хочу... — расстраивается мама.

Я хватаюсь за голову. Как ни стараешься подготовить все заранее, а основные сборы все равно приходится на последний день. Таков закон дедлайна.

Дочь носится из комнаты в комнату, создавая хаос в и так заваленной вещами квартире.

Мама решила помочь мне собраться, вывалив из шкафов вообще все, что можно, включая вышитые скатерти, которые ей еще покойная прабабка в приданое собирала. И все норовит подсунуть мне в багаж то второй шарф, то альбом с фотографиями, то папину пеньковую трубку. «Чтобы ты там о нем помнила».

— Я и так о нем помню! Без хлама! А вот свитер мне бы пригодился. Не помню, чтобы я его выкидывала.

— Может, конечно, и я выкинула... — виновато опускает голову мама.

— Ма-а-а, красное платье! — требует дочь.

— Далось тебе это платье!

— Мне его подарил олень! Настоящий олень! Я хочу платье! Достань платье! Достань!

Этого ребенка проще придушить, чем переупрямить. Но слишком жалко четыре года усилий по воспитанию. Тяжело вздыхаю, открываю Лейкин голубой чемодан с Эльзой из «Холодного сердца» и демонстрирую, что ее любимое красное платье лежит аккуратно упакованным на самом дне.

— Смотри, я его положила в самый красивый пакетик и обернула со всех сторон, чтобы оно доехало в безопасности. А в дороге ты его испачкаешь или порвешь. Жалко ведь будет?

— Жалко... — соглашается дочь. — Тогда не надо!

И правда ведь олень подарил. На самом деле, конечно, пришлось покупать самой, носиться по всему городу первого января в поисках заказанного платья и куклы. Про планшет я сказала, что олени в тонкой технике не разбираются, они на северном полюсе университетов не кончали.

Влад, как представился мой случайный новогодний любовник, порывался дать мне денег, чтобы я купила Лее планшет, но это выглядело так... мерзко. Вот он уйдет сейчас в залитой коктейлем рубашке, до стирки которой так и не дошло дело, и оставит на тумбочке несколько купюр.

«Я сама в состоянии купить дочери планшет!» — отрезала я. Нефиг было раздавать обещания, которые не собираешься выполнять. Деньгами чудо не заменишь.

Кукла куда-то потерялась, а вот платье стало любимым, как только у детей бывают любимыми вещи, без которых они не согласны сдвинуться с места. И конечно, переезжать в Москву можно без чего угодно: уложить медведя Саню в спальню под кровать, припарковать велосипед в подвальной кладовке, раздарить коллекцию пони детсадовским подружкам, но без платья — нет, ни за что.

— Тогда я полечу в платье снежинки! — заявляет дочь. — Ма-а-а-а! Ма-а-а-а! Хочу снежинкой!

— Давай я его поглажу? — предлагает мама, втыкая утюг.

Платье снежинки? В автобус? В самолет? В метро? Почему бы и нет, в самом деле! Может... еще и...

— И корону! — подпрыгивает обрадованная Лея. — Хочу корону принцессы тоже! Ма-а-а-а!

А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Июль. Влад

Иногда Влад завидовал сам себе.

Как сейчас, когда, вернувшись в гостиничный номер, он замер в дверях, любясь двумя красотками, развалившимися на широченной кровати в скомканных простынях.

Одна — загорелая блондинка с большой грудью и крутыми бедрами — полулежала в подушках, задумчиво глядя в панорамное окно, за которым на фоне московских небоскребов догорал закат. Пухлые губы ее были приоткрыты, придавая красотке одновременно невинный и возбуждающий вид. Она как будто впервые видела индустриальный пейзаж в глубоких темно-синих тонах. Тупая как пробка — но при ее внешности это уже совершенно не важно.

Другая — белокожая брюнетка с татуировкой дракона во всю спину, гибкая и гладкая —

валялась на животе, копаясь в телефоне. Узкие лодыжки были скрещены в воздухе, и все ее стройное тело казалось высеченным из мрамора. Эта была поумнее, да и умела побольше, но Влада вставлял именно контраст, и без второй все было бы не то.

Как их там...

Катя и... Он нахмурился. Лена? Леся? Лера? Лара? Лина? Лия?

Забыл.

Выглядели они как сбывшаяся мечта. Очень горячая, очень завлекательная мечта любого мужчины от пятнадцати до ста пятнадцати. И всю предыдущую ночь, утро и день они доказывали, что мечтой не только выглядят. Когда Влад просил пощады и собирался некоторое время отдохнуть, они переглядывались и устраивали ему такое острое шоу на двоих, что и пятнадцати минут не проходило, как он присоединялся третьим.

Одна за другой, одна над другой, одна рядом с другой.

Пока он вжимал пальцы в податливые бедра блондинки Кати, брюнетка Лена то целовала ее, то терлась всем телом о него сзади, то опускалась на колени, глядя снизу вверх, и ждала с высунутым языком, когда он закончит.

Влад, конечно, не мог оставить ее неудовлетворенной и пускал в ход пальцы, губы и

язык, доводя Лену — Леру? Лию? — до стонов и криков. Лежащая рядом Катя, все еще подрагивающая от удовольствия, прикрывала затуманенные глаза и занималась сама собой, предоставляя Владу зрелище, которое не было сил терпеть.

Он сходил продлить номер еще на сутки, потому что потенциал этих двух прекрасных богинь был израсходован не весь.

Если бы они были жрицами любви, он бы заплатил втрое, не торгуясь. Но особую прелесть их играм придавало то, что им это нравилось не меньше, чем ему.

Да и началось все с того, что в клубе он никак не мог выбрать, с какой из них подняться в номер, а они не стали сражаться за это право, не стали ныть и кукситься, устраивая разборки, а быстро перемигнулись между собой и прижались к нему с двух сторон, предлагая взять обеих.

И он взял... Не один раз.

Завидев его, брюнетка встрепенулась, а блондинка перевела томный взгляд от окна и так изогнулась жаркой волной, что в джинсах вновь стало тесно.

Влад прошел, не отрывая взгляда от ее бесовских глаз, бросил походя телефон куда придется и наклонился, присасываясь к пухлым влажным губам глубоким поцелуем.

— М-м-м... — раздалось сзади.

Брюнетка выгнула спину по-кошачьи и продемонстрировала, что ее изгибы тоже могут поучаствовать в этом конкурсе. И занять не последнее место.

— Девочки... вы меня заездите, — с удовольствием проговорил Влад, шлепая по бедру сначала одну, потом другую. — А я уже старенький, мне уже тридцать два. Наследственность у меня, конечно, хорошая, но...

Продолжить он не успел.

Телефон, приземлившийся на тумбочку одним лишь краем, завибрировал, пополз и свалился бы на пол, если бы Влад не подхватил его, мгновенно выбросив в сторону руку.

«Мама», — было написано на экране.

Мама...

— Ша! — Он поднял ладонь, утихомиривая красоток, которые уже призывно постанывали. — Слушаю.

— Не говори мне, что ты забыл о встрече с Никольским. — Голос матери, как обычно, сочился ядом.

— Нет, конечно, не забыл! — заверил Влад, судорожно соображая, что за Никольский, который сейчас час и не забыл ли он что-то на самом деле. Тут немудрено имя собственное забыть.

— С Юрием Никольским, главой «IT-Life», сегодня в их офисе в два тридцать, что... — Мама усмехнулась, не скрывая своего отношения: —

...примерно через час десять. Как раз успеешь приехать. Если, конечно, я не отрываю тебя ни от чего важного.

— Мам, давай без твоего ехидства? — усталым голосом простонал в трубку Влад, спрыгивая с кровати и застегивая обратно ширинку, которую уже успели проверить шаловливые пальчики Лены. Или Леры.

Он оглянулся по сторонам, ища, где осталась его рубашка, беззвучно чертыхнулся, увидев на воротничке следы губной помады двух разных цветов, выудил из-под кровати носки — все это время прижимая трубку к уху плечом.

Блондинка с брюнеткой, как две любопытные кошки, поглядывали на него с кровати, медленно и задумчиво лаская друг друга. На секунду или две Влад задумался, так ли важна встреча с этим Никольским, но тут в трубке снова ожил голос матери:

— Можно и без ехидства, конечно, но ведь это ты мне на днях жаловался, что тебе неинтересно на детсадовском уровне бизнеса, ты хочешь коллаборации с серьезными людьми. Серьезные люди, Влад, не будут ждать, пока ты закончишь со своими развлечениями и соизволишь...

— Мам! — рявкнул он, дернулся и выронил так телефон, пытаясь надеть часы.

Перезванивать не стал, запихнул его в карман, застегнул рубашку через пуговицу — сейчас

где-нибудь по пути надо купить новую — и присел, завязывая ботинок.

— Так, девочки, — деловито сказал Влад, взлохмачивая волосы перед зеркалом и придирчиво рассматривая ногти. Ему все еще чудилось, что под ними навсегда осталась жирная грязь и гарь сибирской тайги. Несмотря на регулярные визиты в салоны с момента возвращения в столицу. — Номер оплачен еще на сутки, развлекайтесь, спите, ешьте. Омаров и шампанское не заказывайте, но в остальном можете не стесняться. Если успею — вернусь. Если нет...

Он завязал второй шнурок, поднялся и посмотрел на то, как увлеченно целуются две красотки на разоренной кровати, и вздохнул:

— А если нет, вам, я вижу, и без меня будет нескучно.

В холле гостиницы он направился к стойке, чтобы заказать такси, но был остановлен окликом:

— Владимир Юлианович!

К нему спешил высокий грузный мужчина в дешевом черном костюме. Мать предпочитала не тратиться на водителей сверх необходимого и одевала их, кажется, на распродажах массмаркета. В руках у того были вешалка с белоснежной рубашкой и папка с бумагами.

— Андрей, и ты туда же... — простонал Влад, закатывая глаза к зеркальному потолку.

— В машине переоденетесь и почитаете документы, как раз ко времени доедем.

— Откуда она узнала, где я? — процедил Влад сквозь зубы, направляясь к выходу.

— Ну так кредитка же к ее счету привязана, — извиняющимся тоном пробормотал водитель, мелко семеня за ним. — Вы как номер оплатили, ваша матушка сразу сказала сюда ехать. Чтоб не опоздали.

Иногда Влад завидовал сам себе. А иногда — люто ненавидел свою жизнь.

За два года, проведенные в Сибири волонтером, ему показалось: он так сильно изменился, что уже никогда не вернется к старому. К унижительному контролю в бизнесе отца, к удушающей опеке матери. К своей никчемности.

Но вот лишь несколько месяцев — и все как прежде. Куда девалась его решимость начать все сначала?

Сентябрь. Ольга

Спустя еще два месяца.

5.30

Просыпаюсь, как всегда, за три минуты до будильника. И пусть чертова рань — в Москве иначе ничего не успеешь. Но я просыпаюсь сама! Не будет мной управлять какой-то набор железячек и пластмассок.

Сначала — почистить зубы и зарядка. Чуть-чуть йоги, чуть-чуть разогрева для суставов, чуть-чуть на пресс. Стоит начать лениться — на фигуре мгновенно сказываются и плохой сон, и ненормированный рабочий день и круассаны между делом вместо обеда.

6.30

Ставлю вариться кашу и включаю везде свет. За окном еле разгораются осенние утренние сумерки. Впереди зима, лучше уже не будет...

— Лея, подъем! — И чмок сонного медвежонка прямо в пузико!

Заодно подальше убираю одеяло. И подушку. Без них медвежонок пока не может снова уснуть, но скоро придется придумывать что-то позаковыристей.

— Ну ма-а-а-ам... — Она садится, но глаза не открывает, досыпает как есть.

— Чистить зубы и завтракать. Мы сегодня к врачу!

— К тете Наде! — Только что крепко зажмуренные глаза распахиваются как у анимешной куколки. — В гости к Мяхле! Ура!

Мяхля — это кот. Тетя Надя — это логопед. И у них на троих с Леей изумительные отношения — мое несносное чудо-чудовище уже натягивает колготки со скоростью звука и мчится в ванную. В детский сад она так не собирается!

7.30

Пока Лейка болтает обо всем на свете, а Надя учит ее по-разному вытягивать язычок, я выдыхаю и позволяю себе ма-а-а-аленький кусочек безделья.

Мое немножко стыдное удовольствие — аккаунты в социальных сетях с роскошными интерьерами для домов за миллионы долларов. Утопленные в землю каминные и диванные вокруг них на зеленых лужайках, спальни со стеклянным потолком и широкими кроватями на подиумах, ванные комнаты из натурального камня с «тропическим» душем, двусветные гостиные, отделанные белоснежным мрамором и светлым деревом... Последние — вообще мечта. Правда, воображение подсказывает, во что они превратятся после визита кучки четырехлеток на день рождения моей принцессы...

Но я не для себя! Я немножко скусаю по старой работе — 3D-моделлером, когда все делала вот этими самыми ручками. Да, звучит странно — все равно что адмирал флота вздыхает, что не будет уже драить медяшки в долгих морских переходах.

Глупости, глупости! Я теперь проект-менеджер, мне бы совсем другие вещи читать и смотреть, но так тянет...

8.30

Закидываю Лею в детский сад. Вот тут нам повезло несказанно — прямо в том же здании, где снимает лофт наша компания, на первом

этаже есть частный садик, который дает солидную скидку родителям, работающим неподалеку. Все равно дорого.

Но когда я в первый раз зашла туда и не почувяла обычного детсадовского запаха горохового супа и прелых тряпок, запаха тоски и безнадежности, который я ненавидела даже в детстве, я была согласна на любые условия. А то, что дети там мастерят поделки, рисуют картины, выращивают цветы на подоконнике и играют в маленьком театре, я узнала уже потом. Стоит своих денег. Стоило того, чтобы лететь через всю страну.

У меня ныли зубы и сводило мышцы, когда приходилось оставлять плачущую дочь в обычном муниципальном садике, где дети даже на горшок ходили по команде. Но после развода я уже не могла сидеть с ней дома, нужно было выходить на работу.

Зато Лея каждый вечер хвастается тем, что нарисовала, и захлеб болтает о своих друзьях и «самой лучшей в мире Марусе» — воспитательнице, которая на вид младше меня, но любит этих обормотов до неба. И еще она рядом. Две минуты на лифте, и я могу обнять мое темноглазое счастье.

10.00

Проект-менеджер — это такая пастушья собака, которая собирает всю толпу программистов, композеров, художников в единое стадо

и пригоняет к десяти на планерку. Нет, удаленно это делать невозможно, мы попробовали. Потому-то ребята и перетащили меня из Новосибирска в Москву. Все время кто-нибудь отбивается — покурить, выпить кофе, сходить в туалет, доделать последнюю страничку или бросить прощальный взгляд в окно на сороковом этаже перед тем, как я его четвертую за прощелканные сроки отправки. Но я хорошая пастиушья собака — и ровно в десять я уже объясняю Марку, что сделали за предыдущий день ребята, а ребятам объясняю, что они должны делать сегодня.

12.00

Ненавижу бухгалтерию! Как вид деятельности и как людей! Но стоимость нового проекта со всеми издержками сама себя не посчитает. И Марку с Денисом на стол не принесет.

14.00

Никогда раньше мне не доводилось терять полмиллиона. Сто рублей по пути в магазин — да, три тысячи в бюджете семьи — запросто, ключи, перчатки, зонтик, купленные накануне ботинки, даже собственную дочь — все теряла. А вот полмиллиона сегодня — впервые! Когда считала, кому сколько платить за прошлый месяц.

Нашла, уф-ф-ф... От облегчения кружится голова. Мне надо подышать!

15.35

Открытый балкон на сороковом этаже в сентябре — не самое уютное в мире место. Но если я тут не покричу наперекор ветру и не утихомирю дрожь пальцев, то работать больше не смогу. Чертовы полмиллиона...

16.00

Незаметно просочившиеся на балкон Марк и Денис накидывают на меня плед, вручают стаканчик с горячим кофе и начинают болтать о следующем проекте — ответственном, который я не потяну, я уверена!

— К зиме, Оль, ты у нас не миллионные проекты будешь щелкать, — обещает Денис. — Ты нас всех в кулаке зажмешь, по струнке выстроишь и будешь еще покрикивать.

— На владельцев компании покрикивать — нарушение иерархии... — бормочу я, но чувствую, как расслабляются натянутые нервы. Кофе согревает, а их вера в меня — еще сильнее. Я сама так в себя не верю, как они в меня!

18.00

И правильно не верю! Звонок от заказчика — все неправильно! Мы все сломали, все сделали не так, дедлайн уже прошел, все пропало, теперь миллионные убытки! Покрываюсь холодным потом и бегу перепроверять.

Оказывается, это они прислали не те исходники. Заказчик извиняется, метет хвостом и предлагает компенсацию и ужин лично для меня в крутом ресторане.

Ужин, ужин, какой к черту ужин, работать надо!

19.00

Выключаю «зум» и задумчиво смотрю на откушенный сэндвич на тарелке рядом с клавиатурой. Это сегодняшний? Или вчерашний? Не помню, когда последний раз ела. Нюхаю сэндвич. Вроде сегодняшний. Со вздохом выбрасываю его в мусорку и открываю планировщик.

Итак, кто у нас тут не прислал еще свои результаты за сегодня... Звонок телефона. И на экране — Марк.

— Да!

— Ростовцева, зайди-ка к начальству.

— Ты и есть начальство.

— Вот и зайди. Нам с Денисом тебе кое-что сказать нужно.

И голос у него при этом такой... Кхм. Серьезный.

Настолько серьезный, что у меня начинают дрожать ноги. По-настоящему, как в мультиках. Каблуки выбивают дробь по полу. Неужели мне сейчас скажут, что все-таки ошиблись, что проект-менеджер из Новосибирска — вовсе не то, что им было нужно?

Что я не тяну, тут столица, а не наши местечковые разборки.

Что у них очередь стоит на эту должность и зарплату и одиночка с ребенком — не мечта их жизни.

Что я слишком часто ухожу раньше всех, потому что надо забирать Лею. И не работаю ночами. Даже перед дедлайном. И не хожу с ними в бар, потому что у меня на это нет денег, да и времени, да и не хочу...

На что я вообще надеялась, перебираясь в Москву? Серьезно? Специалисты им еще нужны, а вот руководителей тут и своих полно. Надо было оставить Лейку маме, приехать одной, все равно сейчас хвост поджимать и возвращаться, а дочери — стресс...

Ох, а за квартиру на месяц вперед заплачено и еще залог. Залог мне точно не вернут... Может, попытаться устроиться куда-то еще?..

Я вдыхаю, выдыхаю. Нет, надо как следует — вдох на раз-два-три-четыре, пауза четыре секунды, выдох на раз-два-три-четыре, пауза... Все, времени больше нет, надо идти!

Вхожу. Кабинет длинный и узкий, идти до директорского стола, за которым сидит Денис, а сбоку на краю пристроился Марк, подбрасывающий в ладони яблоко, как на плаху.

Лица у них серьезные. И даже кофе не предлагают, хотя они всегда предлагают мне кофе. Я обычно отказываюсь. Может, не надо было?

Так, все. Хель, собралась. Ты не девчонка пятнадцатилетняя, чтобы у них на глазах разреветься. Выслушаешь свой приговор, выйдешь, спрячешься в туалете — вот там и реви, как взрослая состоявшаяся женщина.

— Ольга Вячеславовна, хочу с прискорбием уведомить вас, что испытательный срок, который был назначен...

Еще ведь месяц! Целый месяц! Дали бы доработать! Я бы показала себя! Лейке няню, сама ночевать тут буду! Работать за всех! Кофе внутрененно!

— ...досрочно завершен в связи с вашими выдающимися успехами! — заканчивает Марк и светится, зараза, как лампочка в двести ватт!

В первую секунду я не понимаю, что происходит. Так и стою, хлопая глазами, глядя, как лыбища на лице Марка расплзается далеко за пределы щек, да и Денис начинает ржать, глядя на мое лицо.

— Ты ее еще зарплатой добей, — советует он совладельцу.

— Ах да! Ваша зарплата пересмотрена в сторону... — Паузу Марк держит театральную: — ...увеличения на тридцать процентов!

— Все, Оль, отмирай, — советует Денис. — Ты такая неприкольная. Хотя у нас есть еще условие.

— У нас условие? — хмурится Марк, заглядывая в лицо Денису.

— Конечно, разве можно в Москве такую красивую сибирячку и без условий на такую должность взять? — похабно ухмыляется Денис. Прежде чем мое едва забившееся сердце успевает ухнуть в желудок, он добавляет: — Сегодня идем отмечать в ресторан! Ты проставляешься!

— Ну по бокальчику пива хотя бы, — примирительно говорит Марк, соскакивая со стола и подходя ко мне. Я бы сейчас на него оперлась с удовольствием, ноги не держат. — Оль, ты чего? На тебе лица нет.

— Все. В. Порядке... — медленно произношу я.

И понимаю, что с этого момента пришла пора объяснить товарищам, почему обычно меня зовут Хельга. И Хель. Суровое северное имя скандинавской воительницы. И Хель — имя богини мира мертвых. Потому что шутки тут отныне шучу только я!

— Ребят, мне Лею надо забрать из детсада, никаких ресторанов, — вздыхаю я.

— Так бери ее с собой! — щедро машет рукой Денис. — Мы же не в ночной шалман, мы в итальянскую пиццерию, тут в двух шагах. И игровая комната там есть. Скажи там ребятам, что у нас корпоратив. Гуляем!

Вот так мы оказываемся в «Траттории Триколоре», да еще всем офисом. Шумно сдвигаем столы, заказываем пиццу и огромные кувшины с домашним вином.

— За нашу прекрасную Ольгу! — поднимают бокалы.

— Незаменяемую! — наперебой предлагают тосты.

— Всего два месяца она с нами, а я уже начал высыпаться, — хвастается Денис.

— А у меня в почте показалось дно! — добавляет Марк.

— Зато все остальные у нее в ежовых рукавицах.

— Эй, на Олю не наезжать, она нам как мать родная!

— Строгая.

— Но справедливая.

— Если чехам вовремя проект сдадим, назначим тебя богиней.

— И зарплату еще поднимем.

— Эй, ну зарплата уже лишнее...

— Знаешь, я ей сейчас даже свою долю в компании готов отдать, лишь бы она нас не бросила, мы же обратно скатимся во мрак и примитив, — качает головой Марк.

— Оля, не бросай нас!

— Ну-ну... — бормочу, оглядываясь в поисках Леи. Она наотрез отказалась идти в детскую комнату, сказала, что будет вести себя хорошо, и до сих пор действительно приставала только к нашим парням. Они еще не успели познать ее разрушительную мощь, поэтому умилялись и кормили своей пиццей.

Черных косичек нигде не видно. Я приподнимаюсь со стула, оглядывая зал поверх голов. Стискиваю в руке бокал с вином.

— Мама! — Лея выныривает откуда-то сбоку и тут же хватается меня за подол юбки.

— Лея, сядь! — командую я так, что садится даже Денис. Но не Лея.

— Мама, там олень!

Я ловлю дочь и пытаюсь усадить на соседний стул, но она выворачивается, как обезьянка, и скачет куда-то вглубь зала, к приватным кабинетам.

— Лея! Какой олень, не говори ерунды! Лея! Лея!

Я встаю и спешу за ней, потому что моя несносная егоза уже успела броситься под ноги официанту и только чудом не опрокинула на себя целый поднос с тарелками.

— Лея!

— Привет, дядя Олень! — верещит она где-то впереди.

Я заворачиваю за колонну, в полутемный зал, где расположены ниши с приватными столиками и можно спрятаться от шума основного зала, и с изумлением и стыдом вижу, как Лейка виснет на высоком широкоплечем мужчине.

Буквально карабкается по нему с воплем:

— Дядя Олень! Я тебя нашла!

Я уже готовлюсь извиняться, но тут он поворачивается ко мне и... И правда — олень.